

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В РОМАНАХ М.КАННИНГЕМА «ДОМ НА КРАЮ СВЕТА» И «ЧАСЫ»

Фельзингер Л.В.

научный руководитель канд. филол. наук Андреева С.А.
Сибирский Федеральный университет

«я не всегда сумел отделить то, что происходило на самом деле, от того, что только могло произойти» («Дом на краю света»).

Майкла Каннингема — современного американского романиста, обладателя Пулитцеровской премии 1999 года — можно назвать преодолевшим серую зону пост-постмодернистского мира (как модно характеризовать искусство XXI века) — мира, в котором якобы уже нечего сказать, в котором нет главенствующей тенденции, кроме как разрушения старых стилей и методов, мира эклектики и зеркальных отражений. Совмещая приемы как модернизма, так и постмодернизма, затрагивая одновременно вечные и актуальные темы, продолжая традицию классического семейного романа, Майкл Каннингем занимает весомое место в современном литературном мире.

Общими структурными элементами поэтики Каннингема можно назвать многомерное изображение времени и пространства, особый персонажный (акториальный) тип повествования, совмещение классической и модернистской традиций, интертекстуальность, реинтерпретация. В данной статье мы остановимся на рассмотрении особенностей категории пространства и времени в романах «Дом на краю света» (*A Home At The End Of World*, 1990) и «Часы» («*The Hours*», 1998).

Категории времени и пространства – фундаментальные элементы текстовой организации. Хронотоп в романе Каннингема отличен своей многомерностью, дискретностью, нарушением временного и пространственного порядка.

В романе «Дом на краю света» от лица нескольких повествователей рассказывается история их сложных взаимоотношений на фоне смены эпох и поколений 60-х-90-х годов. Роман состоит из 3 частей, которые можно условно разделить по принадлежности к разным локациям: действие 1 части проходит в провинциальном городке Кливленде, 2 части – в Нью-Йорке (и герои совершают путешествие в Аризону), 3й – в Аризоне и пригороде Вудстока. Главным пространственным символом романа является, безусловно, дом «на краю света», приют в котором находят главные герои Джонатан, Бобби, Клэр и умирающий любовник Джонатана Эрик. *«Клэр увезла Ребекку (её дочь от Бобби) в мир живых, с его шумом, непредвиденностями и риском потерпеть неудачу. [...] А мы – здесь, в этом тихом и менее требовательном месте»* (1, 526), *«Мы с Джонатаном не должны позволить этому дому развалиться, мы обязаны сохранить его в таком виде, чтобы люди могли вернуться сюда, когда их грядущее окончательно истощится»* (1, 533) – так осознаёт свою жизнь и свою задачу в доме Бобби, потерявший в детстве брата и будто «застрававший» между живыми и мёртвыми, так же как и пространство дома находится в сфере небытия. Именно поэтому оно становится прибежищем для потерявшихся, бесприютных героев, наиболее устойчивым местом в хаотично вращающемся и холодном мире. В мире, где нужно играть какую-то роль, быть самодостаточным и успешным, где, не успевая снять одну маску, приходится надевать другую. В доме же всё лишнее и напускное теряет своё значение, есть только существование и проживание мгновения за мгновением, нет прошлого и будущего. Такую единственно возможную для себя гармонию обретает Джонатан, так и не нашедший себе места во внешнем мире и оставшийся доживать в Доме, возможно, свои последние годы: *«До этого дня я жил будущим, постоянным ожиданием чего-то, что только должно наступить и вдруг... это кончилось. Мой отец умер, не исключено, что и я умирал. [...] Я бы не сказал, что я был счастлив. Дело*

обстояло несколько сложнее. Но, может быть, впервые за всю свою взрослую жизнь я был здесь и сейчас. В самом этом моменте не было ничего исключительного. Но я пережил его, пережил его всем своим существом. Я был полон им. Даже смерть не смогла бы уничтожить то, что я испытал тогда, - невыдуманную связь с собственной жизнью, с её ошибками и кособокими свершениями. [...] Теперь я не мог бы умереть несостоявшимся, потому что я был здесь, здесь и нигде больше» (1, 540).

Впрочем, намеки на обретение себя «здесь и сейчас» присутствуют в тексте и ранее, например, путешествуя с Бобби и Клэр из Нью-Йорка в Аризону, Джонатан замечает: «... мы уже почти полностью выпали из нашей прошлой жизни и потеряли ощущение будущего – казалось, мы всегда ехали и всегда будем ехать по этой бесконечной равнине среди полей и лугов» (1, 401). К такому медитативному ощущению себя в настоящем без надежд, ожиданий и воспоминаний и приходит Джонатан в финале книги.

Иначе воспринимает время другой герой – Бобби. В его ощущении себя во времени и пространстве важна трагическая смерть его брата, после которой он будто проживает и свою жизнь, и остановившуюся чужую: «Я был его представителем здесь в том же смысле, в каком он представлял меня там, в том неведомом мире» (1, 253). Он словно сам остался с братом в небытии и это его «присутствие в смерти» бесконечно: «Я подумал тогда, что и сама смерть тоже, возможно, является формой тайного участия в продолжающейся истории мира, неким непрекращающимся отсутствием в то время, как ваши друзья, сидя посреди всё тех же светильников и мебели, продолжают обсуждать того, кем вы уже не являетесь» (1, 252).

Многомерность времени и пространства в романе обусловлена совмещением «точек зрения», переходом от одного взгляда к другому, протекающим в разном времени и пространстве.

В романе «Часы» описана жизнь и рабочие будни писательницы Вирджинии Вулф через истории трех женщин: самой Вулф, создающей роман «Миссис Дэллоуэй»; Лоры Браун, молодой жены и матери, которая задыхается в рамках своей опрятной жизни среди Лос-Анджелеса 1951 года; и Клариссы Воган, которая устраивает вечеринку в современном Нью-Йорке для своего близкого друга – писателя Ричарда, умирающего от СПИДа. По замыслу М.Каннингема, эти три главных женских характера – Вулф, Браун и Воган – образуют некое триединство. Три героини, существующие в разной действительности (реальной и преображенной, выдуманной), в разное время, составляют один объемный образ, многоликую сущность. Это потребовало от автора многомерного темпорально-локального изображения, смещения пространственно-временных «норм». Героини разделены и местом, и временем, но, в то же время, находятся в единении.

Важно заметить, что «Миссис Дэллоуэй» Вирджиния Вулф изначально задумывала под названием «Часы», выразившем концепцию ее будущего модернистского романа. Образ часов, времени также является структурообразующим и в романе М.Каннингема. Он задан в заглавии, и трактовать его можно по-разному: в более отвлеченном смысле (a long time) – в романе представлены истории трех женщин, судьбы которых удивительным образом объединило время; в более конкретном смысле (a particular time) – сюжет книги представляет собой описание жизни одного дня каждой из героинь. Кроме того, это могут быть важные судьбоносные моменты прошлого, о которых вспоминают герои (an important moment). В результате, множественность лексико-семантических значений заглавия романа определяет многомерность временного и пространственного контекста. Наиболее ярким примером многомерности времени и пространства можно назвать моменты соприкосновения сюжетных линий (Лора Браун читает «Миссис Дэллоуэй» – Вирджиния Вулф пишет «Миссис Дэллоуэй» – Кларисса Воган совершает то, что миссис Дэллоуэй – идет покупать цветы).

Повторяется мысль Вулф о мимолетности счастья, ее концепция «момента видения», стремления в мгновении увидеть всю жизнь. И название романа подчеркивает это. Часы – те малые, но важные частицы нашей жизни, те мгновения счастья, которые желаешь повторить, но всё, что остается, – это хранить их в памяти и мысленно возвращаться к ним. Героини Каннингема находятся в постоянном поиске этих «часов». Для Вирджинии Вулф лучшие часы – это полное самоотдачи творчество «ей всегда досадно тратить свои лучшие часы на что-нибудь, кроме писания» [2, 85]. Клариссе дороги волшебные моменты юности, когда, как ей кажется, она могла повернуть свою жизнь совсем в другую сторону: «...Оглядываясь назад, она точно знает, что именно в этот момент оборвалось одно возможное будущее и началось другое» [2, 66]). Для Лоры Браун самое прекрасное время – это чтение: «Насколько же это лучше, чем... да почти все на самом деле. Будь мир другим, она бы только и делала, что читала» [2, 51]. Часто героини обращаются памятью в прошлое (ретроспекция), пытаясь осознать как оно изменило их настоящее и будущее (проспекция).

Писатель Ричард убеждает Клариссу: «... Но часы-то остаются, правда? Сначала один, потом другой, и, когда ты кое-как проживаешь один, тут же, бог мой, начинается следующий...» [2, 227]. В его словах (хоть и перед близким самоубийством) теплится надежда преодолеть бессмысленность жизни – пусть уже не ему, но Клариссе. Разворачивается следующий диалог:

- Ты поцеловала меня у пруда.
- Десять тысяч лет тому назад.
- Это происходит и сейчас.
- В некотором смысле.

–В реальности. Это происходит в том настоящем. И это происходит в этом настоящем. [2, 81].

Такова концепция Future-in the-Past, неразрывности, слияния времен. И эта мысль внушает героям и читателю надежду на сохранение тех самых часов, мгновений, веру в то, что они не проиграли.

Последние строки романа – своеобразный «манифест» Каннингема, в котором жизни всех главных героев романа и ответ на главный вопрос: «Мы отказываемся от вечеринок; бросаем наши семьи ради одинокой жизни в Канаде; мы пишем книги, не способные изменить мир, несмотря на наш дар и непрекращающиеся усилия, несмотря на наши самые смелые ожидания. Мы живем свою жизнь, делаем то, что делаем, а потом спим – всё довольно просто на самом деле. Одни прыгают из окна, или топятяся, или принимают снотворное; другие – такое бывает несколько чаще – гибнут в результате несчастных случаев; и, наконец, большинство, подавляющее большинство из нас медленно пожирается какой-нибудь болезнью или – если очень повезет – самим временем. А в качестве утешения нам дается час там, час тут, когда вопреки всем обстоятельствам и недобрым предчувствиям, наша жизнь раскрывается и дарит на всё, о чем мы мечтали, но каждый, кроме разве что маленьких детей, знает, что за этими часами обязательно придут другие, гораздо более горькие и суровые. И тем не менее мы любим этот город, это утро; мы – постоянно – надеемся на лучшее» [2, 254]. Причины этой надежды автору не ясны, но надежда эта так же явна, как то летнее утро.

Таким образом, в рассмотренных романах М.Каннингема можно проследить явные структурные закономерности. В любой части повествования представлено линейное движение времени от прошлого — к будущему, последовательное и поступательное. Но зачастую нарушается временная последовательность, обычно за счет смещения «точек зрения» (в «Доме» — повествование плавно «перетекает» от одного персонажа к другому, порой возвращаясь к одному событию или, наоборот, упуская что-то из виду, в «Часах» с перемещениями во времени о классической последовательности

изложения не может быть и речи). При этом автору удается сохранить повествование логичным, динамичным и не сбивчивым. Как уже говорилось выше, изображение времени в произведениях дискретно, то есть затрагивает какие-то определенные важные моменты в жизни героев. Используется прием про- и ретроспекции. Пространство же – многомерно, так как представлено с позиций нескольких повествующих «я», одна темпорально-локальная основа проникает в другую.

Важно заметить, что для «Дома» важнейшим образом является образ пространственный, а для «Часов» — временной. Но эти образы объединяют в себе схожие подтексты – о поисках себя и желании убежать от внешнего мира и его давления, о проживании мгновения и высшего удовольствия от пребывания здесь и сейчас. «Дом – тоже способ бегства» [1, 533] и одновременно остановка своего жизненного пути с желанием обрести радость от простого существования, а часы – неповторимые, прожитые мимолётные мгновения. И если, по Вирджинии Вулф, так и идет жизнь – от фразы к фразе, то у Майкла Каннингема она идёт от мгновения к мгновению и попытки эти мгновения не удержать, а впитать, вдохнуть в себя полной грудью.

Список литературы:

1. Каннингем М. Дом на краю света. М.: Астрель, 2010. – 544 с.
2. Каннингем М. Часы. М.: Астрель, 2011. – 256 с.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе// Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Мир книги, 1998. - 210 с.
5. Николаев А.И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. – Иваново: ЛИСТОС, 2011.